

УДК 903.02

КЕРАМИКА С ОТТИСКАМИ ШНУРА ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМОВКИ СОСУДОВ

© Д.Е. Кичигин

Настоящая статья посвящена одной из интереснейших стадий керамического производства – формовке сосудов. В работе рассматриваются все известные на сегодняшний день варианты конструирования «шнуровых» сосудов, характерных для территории Предбайкалья – главным образом, двух керамических традиций, относящихся к эпохе раннего неолита (керамика хайтинского типа) и периода поздней бронзы – раннего железа (керамика сеногдинского типа). Помимо уже известных и довольно часто встречаемых в литературе версий моделирования емкостей обозначенных выше типов керамики автором выдвигается ряд ранее не высказанных предположений и выводов, основанных, прежде всего, на личных наблюдениях и, как следствие, собственной дешифровке некоторых следов-признаков, отмечаемых на реконструируемых сосудах.

Ил. 2. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: Предбайкалье, ранний неолит, поздний бронзовый – ранний железный век, керамика сеногдинского типа, керамика хайтинского типа, сосуд, формовка.

POTTERY WITH THE CORD PRINTS FROM WESTERN COAST OF LAKE BAIKAL: SOME QUESTIONS OF VESSEL MOLDING

© D.E. Kichigin

This paper is devoted to molding of vessels as a one of the most interesting stages of pottery manufacturing. Author describes all known variants of construction of “cord” vessels typical for Cisbaikalia, mostly two pottery traditions of Early Neolithic (Khaitinsky type of pottery) and Late Bronze – Early Iron Age (Senogdinsky type of pottery). According to well known versions of molding the vessels of these types author proposes some new conclusions based on his own observations and deciphering of some traits on the studied vessels.

2 fig. 30 sources.

Keywords: Cisbaikalia, Early Neolithic, Late Bronze Age – Early Iron Age, Khaitinsky type of pottery, Senogdinsky type of pottery, vessel, molding.

Введение

Изготовление керамической посуды, как и любое производство, предполагает поэтапный сложносоставной процесс, успех которого во многом зависит от инструментария (техники) и навыков (технологий) мастера – человека, обеспечивающего производство. В керамическом деле традиционно можно выделить несколько главных последовательных этапов: поиск и оценка исходного сырья (глины и отошителя), подготовка и приготовление керамического теста, конструирование емкости (формовка), декоративное оформление сосуда (ор-

наментация), подсушка и обжиг изделия. При этом следует отметить, что само изделие (сосуд) является суммарным результатом всех, успешно выполненных этапов-операций, каждый из которых выступает в качестве оптимального технологического решения и, как правило, самого лучшего на данный момент времени.

Одним из выразительных керамических комплексов Прибайкалья является керамика с оттисками шнура, покрывающими внешнюю поверхность сосудов. Оттиски или негативы крученого (витого) шнура являются следствием технико-технологиче-

ческих операций заключительной стадии формовки изделия, поэтому, зачастую, рассматриваются как *технический декор*. В большинстве случаев происхождение оттисков объясняется результатом выколотки (или выбивки) стенок сосуда при помощи наковаленки (изнутри емкости) и ударно-прессующего орудия (снаружи емкости) с намотанными на него шнуровыми нитями, вследствие чего сформированная из отдельных элементов (ленты, жгуты, лоскуты и т. п.) емкость приобретает монолитный вид.

Керамика с оттисками шнура на западном побережье озера Байкал отмечена в материалах стояночных и погребальных комплексов и представлена двумя разновременными типами керамики, характеризующими ранний неолит (7,9–6,5 тыс. л. н.) – *керамика хайтинского типа*, и период позднего бронзового – раннего железного веков (3,1–2,1 тыс. л. н.) – *керамика сеногдинского типа* (тышкинэйского – по О.И. Горюновой). При этом следует отметить, что оттиски шнура на сосудах обоих типов, как правило, однообразны, и, на первый взгляд, отдельные фрагменты тулова без какой-либо дополнительной орнаментации могут быть отнесены исследователями, как к первому, так и ко второму типу керамики. Причем особенно легко ошибиться при первичной диагностике материалов, происходящих со смешанных стояночных комплексов.

Как отмечалось выше, конструирование емкости (формовка сосуда) – один из важных этапов-операций керамического производства. Его реконструкция в конечном итоге обязательно предполагает экспериментальную проверку. Однако любому эксперименту, как одному из основополагающих методов любой науки, предшествуют этап «собирания фактов» (выявление признаков) и этап «выведения возможных вариантов» (построение моделей, рабочих версий и т. д.). И только лишь потом проведение эксперимента либо окончательно доказывает состоятельность (правильность) той или иной версии, либо подсказывает, в каком направлении двигаться дальше.

Данная статья не претендует на выведение истинных моделей формовки емко-

стей хайтинского и сеногдинского типов керамики западного побережья озера Байкал, а лишь предлагает несколько вариантов конструирования сосудов, основанных на дешифровке технико-технологических признаков формовочных операций посредством непротиворечивых логических рассуждений. Эти варианты, так называемые «рабочие версии», еще предстоит проверить экспериментальным путем.

Для первичного анализа автором статьи задействованы материалы двух основных районов байкальского побережья, обладающих наибольшей концентрацией памятников древности – Приольхонья и Северного Байкала. По мере необходимости также привлекались материалы и из других районов Предбайкалья – Приангарья и Верхней Лены. В целях вычленения следов – признаков формовочных операций, в статье рассматривались только те сосуды, которые восстанавливаются хотя бы наполовину и с которыми автор имел возможность поработать лично.

Анализ следов – признаков формовочных операций и выстраивание на его основе процесса конструирования емкости, прежде всего, следует начать с керамики сеногдинского типа (период поздней бронзы – раннего железа), как наиболее представительной по материалам западного побережья Байкала и хорошо знакомой самому автору статьи.

Керамика сеногдинского типа (3,1–2,1 тыс. л. н.) на территории Предбайкалья является преобладающей среди других многочисленных керамических комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железа. Ее основными морфо-типологическими признаками являются следующие характерные черты:

1. *Форма сосуда и венчика*. Сосуды преимущественно состоят из трех основных конструктивных элементов – устья, тулова и поддона. Реконструируемые емкости закрытой формы, как с выраженным устьем, так и без него (примерно поровну). Фрагменты придонной части с поддоном или обломки поддонов обнаружены в 10,6% случаях. Преобладающими формами венчиков являются прямая и овальная, ос-

тальные, как правило, составляют исключение.

2. *Технический декор.* Внешняя поверхность сосудов полностью покрыта оттисками крученого шнура. Как правило, оттиски разнонаправленные и имеют определенную локацию, представляют собой небольшие отпечатки, наложенные друг на друга (!). В крайне редких случаях отмечено только вертикальное их расположение по всей поверхности сосуда (!).

3. *Орнаментация сосудов.* Основной орнамент в виде налепных валиков (около 80% емкостей, на которых отмечена орнаментация) и сопровождающих их круглых вдавлений (около 25%) или отверстий (около 25%). По своим формам, размерам и расположению на поверхности сосуда валики представлены различными вариантами: по форме – прямые (около 70%) и волнистые (не более 10%), по ширине – широкие и нитевидные, оформленные пальцевыми сжатиями в протасканной или отступающей технике, по расположению на сосуде – горизонтальные, вертикальные и наклонные. Как сами валики, так и срез венчика часто деформируются различными вдавлениями: «личиночными» (около 30%), пальцевыми (около 15%), прямоугольными, овальными и насечкообразными, квадратными и ромбовидными (не более 5% каждый).

Керамика сеногдинского типа появляется на побережье Байкала с конца II тыс. до н. э. и увязывается большинством исследователей с культурой плиточных могил Забайкалья (Хлобыстин, 1964 а, б; Свинин, 1966; Харинский, 2005; Кичигин, 2012). Проникая сначала в лесостепное Приольхонье (Туркин, 2003), традиция изготавливать «шнуровые» сосуды на поддонах, орнаментированные налепными валиками, в начале I тыс. до н. э. распространяется по всему побережью озера и далее на запад – в Кудинской долине и Приангарье (до среднего течения р. Ангары) (Седякина, 1955; Свинин, 1967; Васильевский, 1978; Васильевский, Бурилов, Седякина, 1980; Березин, 1990).

На сегодняшний день керамика сеногдинского типа по материалам западного побережья Байкала представлена фрагмен-

тами от более 170 сосудов (более 80 емкостей с 38 местонахождений Приольхонья и 90 емкостей с 30 местонахождений северо-западного побережья Байкала). Полностью реконструированного сосуда, с которого возможно было бы снять метрические показатели высоты, диаметры всех частей изделия и объем емкости, не найдено. Восстанавливаемые хотя бы наполовину емкости составляют незначительный процент – 5,9 % (всего около 10 сосудов).

Какие визуальные характеристики фрагментов керамики сеногдинского типа могут послужить для выявления следов – признаков формовочных операций?

1. *Толщина стенки* емкости в зависимости от конструктивной части сосуда различна. В районе устья она достигает 0,8–1,1 см, ближе ко дну уменьшается до 0,3–0,5 см.

2. *Фрагментация.* В большинстве случаев фиксируется распад емкости на горизонтальные ленты в местах их соединения. Ширина фрагментов глиняных лент варьирует от 3,8 до 6,4 см. Отмечается как внешний, так и внутренний подлеп, причем на одном и том же сосуде. Венчик, как правило, имеет внешний подлеп. Кольцевой поддон, который крепился на заключительной стадии формовки изделия, сформирован либо одной широкой лентой, либо лентой, состоящей из нескольких (2–3) жгутов. Все поддоны от сосудов сеногдинского типа в месте стыка глиняной ленты или жгута с дном несут «шнуровые» оттиски (Кичигин, 2010).

3. *Внешняя поверхность сосудов* покрыта оттисками крученого шнура, организованными в небольшие по площади зоны отпечатки. Эти группы оттисков в большинстве случаев имеют разнонаправленный характер – как будто наложены друг на друга. Шнуровая нить, насколько это возможно проследить визуально, скручена вдвое, отчего шнур следует считать средним – его ширина, как правило, составляет 0,1 см. Расстояние между нитями в оттиске-отпечатке, как правило, не превышает 0,1 см. Глубина западания шнуровой нити в пластичное керамическое тело обычно составляет около 0,05 см, в редких случаях превышает этот показатель. Материал, из

которого скручен шнур, определить достаточно сложно.

4. *Внутренняя поверхность сосудов* всегда гладкая. Очень редко, но все же удается выявить некоторые следы на внутренних стенках реконструируемых емкостей. На внутренней поверхности сосуда со стоянки Красный Яр II (Северный Байкал) отмечены две разновидности групп следов отпечатков.

Первая группа – дугообразные плоские вдавления, хаотично рассредоточенные по всей поверхности резервуара. Это не что иное, как следы ногтей пальцев руки, причем поставленных почти перпендикулярно. По мнению В.В. Свинина, отпечатки пальцев на внутренних стенках емкости являются следствием орнаментации «... в результате поддерживания пальцами левой руки стенки сосуда изнутри в то время как штампом, находящимся в правой руке, наносился орнамент на внешнюю его поверхность» (Свинин, 2000. С. 140). Однако надо полагать, что в целях максимального покрытия зоны орнаментации и сохранения выпуклой стенки емкости в процессе нанесения орнамента будут задействованы подушечки пальцев, причем расположенных близко друг к другу. Здесь же мы наблюдаем совершенно иной характер отпечатков, прежде всего, ногтей. На наш взгляд, такое положение пальцев внутри емкости при изготовлении сосуда возможно только в одном случае – при захвате некоего предмета, прикладываемого к стенке сосуда. Попросту говоря – наковаленки, в качестве которой, скорее всего, выступала галька. Учитывая неровную поверхность стенки, зачастую с незначительными округлыми по площади понижениями, такое предположение только усиливается.

Вторая группа – горизонтальные длинные желобки в зоне транзита, а именно на стыке устья с туловом, фиксируемые практически по всей окружности емкости. При этом стоит отметить, что они выполнены не в технике прочерчивания, а в результате вдавливания. В качестве объяснения природы их происхождения приведем яркий пример из этнографии: «... интерес вызывает применение якутами специального деревянного обруча (якут. *ии*), который дела-

ют из веточек березы или тальника, обмотанных волосистой пестрой веревочкой (веревку скручивали из конских белых и черных волос). Его (обруч – *Д. К.*) прикладывали к верхней части полученной формы, он определял размер отверстия (диаметр венчика – *Д. К.*) и закреплял форму будущего горшка...» (Якуты (Саха), 2012. С. 171). Применение «обруча», конечно же, имело огромное практическое значение, особенно в процессе выколотки (или выбивки) стенок сосуда, когда происходит постоянная деформация будущего изделия. «Обруч» здесь выступал в качестве каркаса самой уязвимой части емкости – устья. На наш взгляд, использование подобного приспособления особенно было актуально при изготовлении сосудов больших и средних размеров.

Таким образом, в качестве *основной рабочей версии* конструирования емкостей сеногдинского типа следует принять следующую модель формовки сосуда, неоднократно высказываемую ранее (Свинин, 1966; Харинский, 2005; Кичигин, 2012) (рис. 1):

Формовка сосудов происходила в процессе ручной лепки преимущественно ленточным способом. Емкость формировалась с днища внутренним или внешним подлепом горизонтальными глиняными лентами. Венчик, как правило, крепился подлепом с внешней стороны, после установки «обруча». В таком виде собранная из лент емкость вряд ли сразу приобретала задуманную мастером форму. В целях плотного соединения лент зоны стыков должны были быть максимально спрессованы – пальцевой точечной прессовки во время конструирования емкости было явно не достаточно. Поэтому следующим этапом формовки был процесс выколотки (или выбивки) стенок сосуда при помощи наковаленки-гальки (изнутри емкости) и ударно-прессующего орудия (снаружи емкости) с намотанными на него шнуровыми нитями. Выколотке, в большей степени и в первую очередь, подвергался резервуар (зона тулова) – та часть емкости, которая при заполнении сыпучим и жидким веществом должна была испытывать основную нагрузку. В результате выколотки диаметр

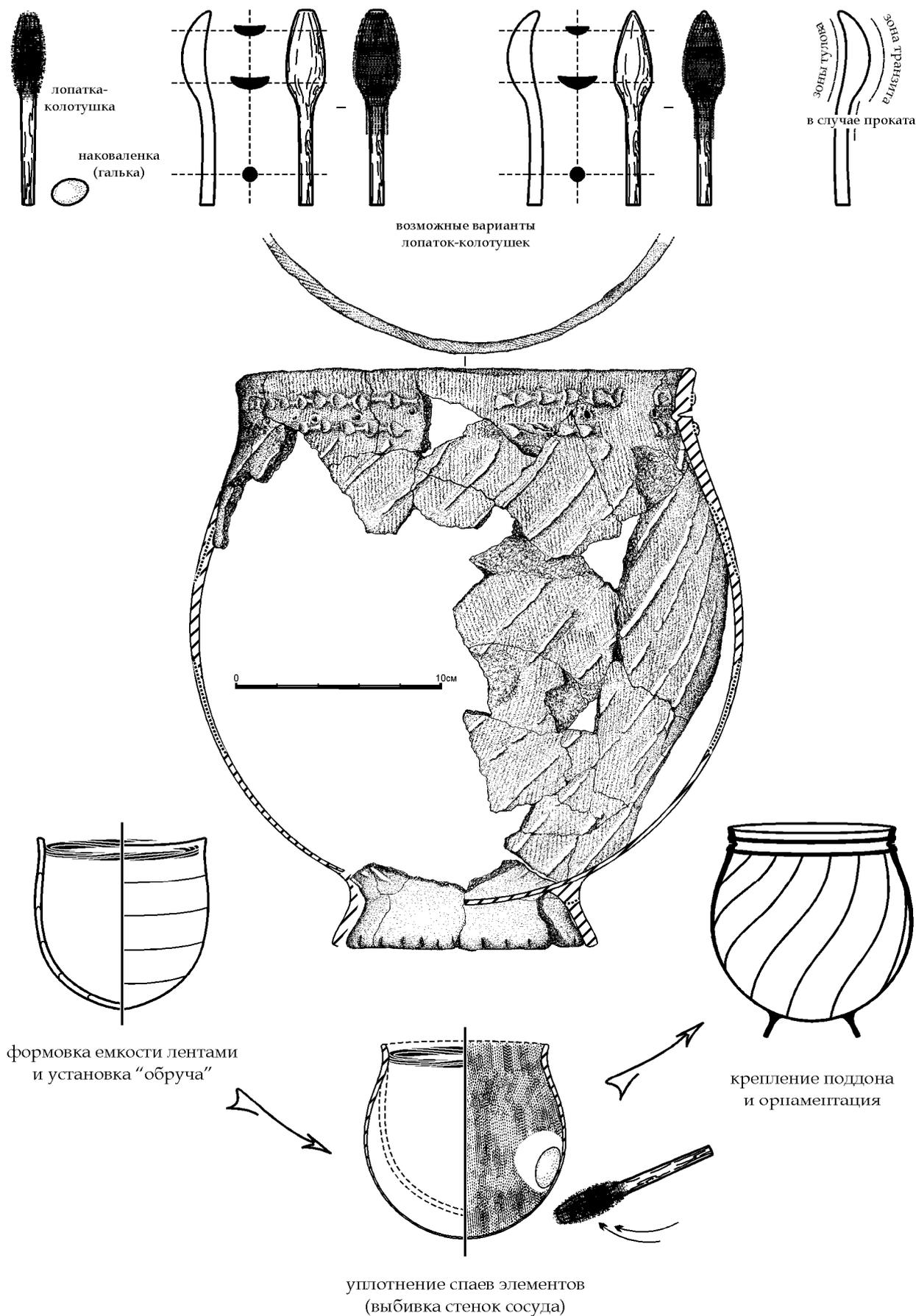

Рис. 1. Сосуд сеногдинского типа со стоянки Красный Яр II (Северный Байкал) и возможный вариант его конструирования (основная рабочая версия)

резервуара увеличивался, а толщина стенки уменьшалась. В последнюю очередь аккуратно выбивались зона транзита и устье. Так изделие приобретало законченный вид. Последним аккордом в формовке сосуда становилось крепление кольцевого поддона, сделанного либо из согнутой в кольцо глиняной ленты, либо посредством наращивания его жгутами. Следующим этапом после формовки сосуда следовало его декоративное оформление (орнаментация). Перед подсушкой «обруч», скорее всего, извлекался.

Принимая во внимание эту модель конструирования сосудов сеногдинского типа, все же следует ответить на три не решенных до сих пор вопроса. *Первый*: использовалась ли «техника проката» при изготовлении сосудов? *Второй*: почему во время экспериментальной проверки происходит залипание шнуровых нитей при соприкосновении их с еще пластичной глиняной поверхностью сосуда (Свинин, 2000. С. 142) или же заиливание самой рабочей поверхности лопатки-колотушки – она быстро теряет свою рифленую структуру (замечания Н.В. Цыденовой и Д.Л. Шергина, 2014 г., при личной беседе). И *третий*: как все же могла выглядеть та самая лопатка-колотушка? Начнем по порядку.

Отвечая на первый вопрос, надо полагать, что «техника проката» как самостоятельная технологическая операция для сеногдинских сосудов не несет столь сильного практического значения в отличие от «техники выколотки (или выбивки)» – прессовки стенок в местах спаев лент и разрастания резервуара не происходит. При этом следует заметить, что сам «прокат» как технологический прием, на наш взгляд, больше применим на сосудах, имеющих при формовке упругий внутренний каркас (формовка на шаблоне), способный поддерживать изнутри выпуклую поверхность внешней стенки во время раскатывания валика. Считать «технику проката» основной при изготовлении сосудов сеногдинского типа (с явными следами выбивки) не совсем корректно. Однако вертикальное расположение оттисков крученого шнура, редко, но все же встречаемое на отдельных сосудах с северо-западного побережья Байка-

ла (сосуды со стоянок Красный Яр II и Балтаханова III) дает основания предполагать, что «техника проката» могла использоваться, но только как дополнение к выколотке (или выбивке) – уже после нее – и несла сугубо эстетическое назначение. А потому должна расцениваться не как технический декор, а как этап-операция декоративного оформления сосуда (орнаментации).

Залипание нитей шнура во время экспериментальных работ – явление не редкое. Приведем один из таких примеров. «При длительной работе лопаточкой, обмотанной шнуром, нити на ней ослабевали и расходились: необходимо было во-время их подтягивать, иначе работать становилось неудобно, слабые нити «застревали» в глине» (Свинин, 2000. С. 142). Скорее всего, и это легко представить, что и в других случаях для эксперимента используется просто лопатка-колотушка с намотанными на нее шнуровыми нитями. Ее рабочая поверхность в начале эксперимента выглядит сухой и чистой, а в процессе выколотки (или выбивки) заиливается, вбирая часть керамического теста из стенки сосуда в месте удара – физические свойства глин дают о себе знать.

Опять же приведем пример из традиционного гончарства якутов. «Вначале формовали дно, потом бока, при этом, прислонив камень к внутренней стенке горшка, слегка ударяли снаружи лопаткой (камень и лопатку все время смачивали водой)» (Якуты (Саха), 2012. С. 171). *Смачивание водой* обоих инструментов во время работы, возможно, и позволяет избежать залипания нитей и заиливания рабочей поверхности лопатки в процессе изготовления сосудов, но, прежде всего, якутских горшков. В керамическое тесто, из которого лепили сосуды якутские горшечницы, помимо глины и шамота «... в замес добавляли конский навоз, молоко, масло, которые считались у якутов священными» (Якуты (Саха), 2012. С. 170). Надо полагать, что добавление в формовочную массу большого количества органики было обусловлено еще и практическими задачами, лежащими в плоскости качества самих природных глин, которые, возможно, в большинстве случаев были тощими. Для вышеописанного эксперимен-

та, скорее всего, использовался совершенно иной состав керамического теста, если учесть и то обстоятельство, что проводился он «... в мастерской керамического отделения Иркутского училища искусств» (Свинин, 2000. С. 138), где лепят горшки из формовочных масс, чья рецептура отвечает современным стандартам и технологиям. Опять же не упоминается у В.В. Свинина и использование этого приема (смачивание водой) во время экспериментальных работ.

В качестве предположения можно предложить и другой вариант, состоятельность которого продемонстрирует первая же экспериментальная проверка. Рабочая поверхность лопатки-колотушки перед работой с керамическим материалом, в составе которого присутствует более жирная глина, пропитывается (или покрывается) влагоотталкивающим веществом – например, жиром или маслом. Возможно, в этом случае (*пропитка жиром или маслом*) процент залипания нитей в стенке сосуда или заиливания рабочей поверхности ударно-прессующего орудия будет сводиться к нулю (!).

Как же могла выглядеть та самая лопатка-колотушка? Итак, на примере одного сосуда попытаемся определить, какими характеристиками она должна была обладать.

Сосуд со стоянки Красный Яр II сложной профилировки – состоит из резервуара (тулово), слегка отогнутого наружу устья (привенчиковая зона) и кольцевого поддона (базис). Оттиски шнура полностью покрывают первые две части емкости, превалирует вертикальное их расположение. Диаметр сосуда по венчику 23 см (рис. 1).

Колотушка, при помощи которой происходила выколотка (или выбивка) данного изделия состояла из двух основных частей: рабочей ударной части и рукояти. При этом, чем меньше она была по длине, тем проще было с ней управляться. На наш взгляд, длина ударно-прессующего орудия составляла не более 40 см. Рукоять должна была быть очень удобной и хорошо держаться в руке – скорее всего, она была округлой в сечении. Рабочая ударная часть должна была иметь массу, иначе, если она будет легкой, эффекта прессовки не получится. Рабочая поверхность ударной части,

возможно, была плоской радиальной (изогнутой), в связи с чем зона соприкосновения со стенкой сосуда увеличивалась. Однако это ударно-прессующее орудие должно было иметь и округлую в сечении рабочую часть, которая использовалась бы при выколотке зоны транзита (перехода от тулова к устью), с одной стороны, и применялась бы в случае «техники проката», с другой стороны. Срединная часть орудия, не обмотанная шнуром, вполне могла использоваться либо для раскатывания керамического теста с последующей его разрезкой на ленты, либо для раскатывания жгутов на те же ленты.

По нашему мнению, форма лопатки-колотушки отчасти напоминала большую ложку (примеры из этнографии), прототипом которой, в свою очередь, могла выступать рука человека от локтя до кончиков пальцев. Возможно, такая «ложка» отражала довольно архаичные представления о производстве керамики – еще до появления ударно-прессующих орудий из дерева или кости, когда человек при намазывании глины на плетеную корзинку шлепками правой руки уплотнял стенки будущей емкости. Как могла выглядеть лопатка-колотушка при изготовлении сосуда со стоянки Красный Яр II, хорошо демонстрирует рис. 1.

Таким образом, формовка сосудов сенгдинского типа при помощи конструирования емкостей горизонтальными лентами с последующей выколоткой (или выбивкой) посредством наковаленки-гальки и ударно-прессующего орудия с намотанными на него шнуровыми нитями, изложенная выше, остается основной рабочей версией. Как сам предложенный вариант формовки сосудов, так и некоторые спорные моменты, конечно же, требуют экспериментальной проверки, которая и продемонстрирует состоятельность тех или иных выводов.

Керамика хайтинского типа (7,9–6,5 тыс. л. н.) в Предбайкалье является одной из самых выразительных керамических традиций эпохи раннего неолита. Подавляющее большинство памятников с этой керамикой отмечено в Приангарье и на Верхней Лене. Среди ее характерных черт

следует выделить следующие морфотипологические признаки:

1. *Форма сосуда и венчика.* Сосуды преимущественно состоят из двух основных конструктивных элементов – устья и тулова. Реконструируемые емкости как закрытой, так и открытой формы, с выраженным устьем и без него. У некоторых емкостей отмечена шейка (?). Профиль дна либо округлый, либо округло-приостренный. Преобладающими формами венчика являются прямая или грибовидная (ввиду орнаментации среза). В целом сосуды хайтинского типа представляют собой круглодонные (часто с приостренным дном), как правило, профилированные емкости.

2. *Технический декор.* Внешняя поверхность сосудов полностью покрыта оттисками крученого шнура. В отличие от сеногдинских сосудов – эти отпечатки в виде длинных, протяжных нитей, имеющих разнонаправленный характер. Однако превалирует вертикальное их расположение по всей поверхности сосуда (!).

3. *Орнаментация сосудов.* Основной орнамент в виде прочерченных линий или рядов вдавлений, выполненных, в основном, в накольчато-отступающей технике. Среди часто встречаемых мотивов орнаментации, как правило, зонально сменяющих друг друга в верхней половине сосуда, – горизонтальные линии, вертикальные и горизонтальные зигзаги, наклонные короткие линии, не редко увенчивающие орнаментальную композицию (т. н. фестоны, «бахрома»). Срез венчика часто декорировался тем же орнаментом, которым выполнялась основная композиция орнамента.

Понятие «хайтинская керамика», известная сначала как *хайтинский «шнуровой» пласт* (Савельев, 1989), сегодня в основном используется в качестве типа керамики (Бердников, 2013; Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011). Однако должного скрупулезного анализа, итогом которого стало бы выделение типобразующих признаков и локальных особенностей, вычленение преобладающих форм емкостей, элементов и мотивов орнаментации так и не было проведено, за редким исключением отдельных хороших попыток (Игумнова, Савельев,

Спиридонова, 2005). Появление ее в Предбайкалье в эпоху раннего неолита не совсем ясно и, скорее всего, связано с общим распространением «шнуровой» керамики в Центральной Азии в начале голоцена (Цыденова, 2012). Вопросы генезиса этой керамической традиции стоит еще только обозначить.

На сегодняшний день керамика хайтинского типа на западном побережье Байкала отмечена только в материалах Приольхонья и представлена фрагментами от более 20 сосудов с 4 местонахождений – стоянки Улан-Хада (слой Г/1), Саган-Заба II (VI и V нижний слои), Тышкинэ II (IX и VIII слои) и погребение № 1 могильника Мыс Уюга (Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011; Новиков, Горюнова, 2011; Кичигин, 2014). В целом для байкальского побережья этот керамический комплекс составляет редкую, исключительную для района категорию археологического источника. Из всех фрагментированных сосудов полная реконструкция возможна только по одной емкости (погребение № 1 могильника Мыс Уюга); сосудов, восстанавливаемых хотя бы наполовину – 15% (около трех емкостей).

Какие же визуальные характеристики фрагментов керамики хайтинского типа могут послужить для выявления следов – признаков формовочных операций?

1. *Толщина стенки* емкости в зависимости от конструктивной части сосуда различна. В районе устья или верхней части тулова она достигает 0,8–1,0 см, ближе ко дну уменьшается до 0,3–0,5 см. У некоторых сосудов показатели толщины стенок в районе устья, тулова и дна практически совпадают.

2. *Фрагментация.* В большинстве случаев исследователи фиксируют распад емкости на горизонтальные ленты в местах их соединения. Каким подлепом (внешним или внутренним) осуществлялась спайка этих элементов – не уточняется (!). Нередко отмечается укрепление венчика отдельным жгутиком, лентой или примазкой. К примеру, распад венчика на отдельные элементы (жгутик и примазка) очень хорошо прослеживается на сосуде из погребения № 1 могильника Мыс Уюга (по личному наблюдению

нию), а вот спаи лент в изломе фрагментов этого же изделия уже не «читаются» (!).

3. *Внешняя поверхность сосудов* покрыта оттисками крученого, перевитого шнура. При этом большинство исследователей в качестве объяснения их происхождения приводят «технику выбивки» (?). Однако, по личному замечанию автора, ни на одном из сосудов хайтинского типа, с которыми приходилось работать во время написания статьи, не отмечено подобных оттисков, характерных для сеногдинских сосудов. Эти оттиски представляют собой отпечатки длинных, протяжных нитей шнура, очень близко подогнанных друг к другу и образующих в купе широкие полосы (!). Их расположение на поверхности сосудов различно, но явно преобладает вертикальное. Особенно хорошо «читаются» оттиски вне зон орнаментации – в нижней половине сосуда. А вот сама структура шнура очень похожа. В большинстве случаев он описывается как тонкий, что, скорее всего, связано с малой глубиной западания шнуровой нити в пластичное керамическое тело (по личному наблюдению). По всем остальным характеристикам он практически не отличен от шнура на сеногдинских сосудах. Материал, из которого скручен шнур, определить также достаточно сложно.

4. *Внутренняя поверхность сосудов* в подавляющем большинстве случаев микро-рельефная, шероховатая, за крайне редким исключением гладкая. На внутренних стенках реконструируемых емкостей хайтинского типа Приангарья, Верхней Лены и Приольхонья можно выделить четыре разновидности групп следов-оттисков.

Первая группа – чередующиеся небольшие бугорки-«пупырышки» и аналогичные им по форме вдавления, сильно напоминающие в зеркальном отображении плетеную структуру, причем по всем тактильно-визуальным ощущениям – грубую ткань (рогожу, циновку, мешковину и т. п.). Установить материал, из которого была изготовлена эта ткань, весьма затруднительно. Прежде всего, это требует дополнительных экспериментальных подборок. При этом лично автором отмечено несколько ее вариантов (возможно, ввиду различного

исходного материала). Такие отпечатки на внутренних стенках емкостей характерны для всего Приангарья и Приольхонья. Отмечены они и на сосуде из погребения № 1 могильника Мыс Уюга (Кичигин, 2014).

Вторая группа – горизонтальные длинные желобки-бороздки, очень похожие на те, которые описывались нами выше (вторая группа оттисков на керамике сеногдинского типа) – отпечатки либо тальниковых (березовых) прутьев («обручей»), либо толстых веревок. На внутренних стенках емкостей хайтинского типа в отличие от сеногдинских сосудов эти отпечатки фиксируются на различных уровнях, но в большей степени – в зонах дна и тулова. Такие следы-признаки пока отмечены только на сосудах Северного Приангарья (Лохов, Роговской, Дударек, 2013. С. 126, рис. 5, 6).

Третья группа – «... близкие к горизонтали штрихи затирания или расчеса в виде неглубоких желобков» (Игумнова, 2004. С. 81). Происхождение этих оттисков, как правило, объясняется использованием пучка травы или «зубчатого» шпателя (щепы). Наличие таких «расчесов», конечно же, может иметь обусловленную целесообразность и свидетельствовать о стремлении древнего мастера (гончара) устранить какие-то нежелательные следы формовки сосуда на завершающем ее этапе. Такие следы-признаки отмечаются на сосудах Южного Приангарья и Верхней Лены (Игумнова, 2004).

Однако при осмотре внутренних стенок одного из сосудов (один из «сосудов-близнецов») со стоянки Поповский Луг (Верхняя Лена) автор пришел к другому выводу. Создалось впечатление, что приведенные выше оттиски, интерпретируемые как «расчесы», выполнены не в прочерченной технике, а во вдавленной – они больше напоминают именно отпечатки шнуровых нитей. Поэтому автором предложена к рассмотрению еще одна группа оттисков.

Четвертая группа – отпечатки горизонтальных, практически параллельных, длинных нитей шнура, опоясывающих сосуд по внутренним стенкам от самого устья до днища. Такое описание, еще раз подчеркнем, приводится с позиций авторской интерпретации. Сама же группа оттисков

будет рассматриваться нами в дальнейшем анализе наравне с другими группами. Такие следы-признаки выявлены по личным наблюдениям и пока только на одном сосуде (стоянка Поповский Луг, Верхняя Лена).

Сегодня существует два основных варианта, предполагающих конструирование (формовку) емкостей хайтинского типа:

Первый вариант: «Сосуды изготавливались на специально изготовленном плетеном каркасе техникой выколачивания, где роль «наковальни» выполнял твердый внутренний плетеный каркас, отпечатки которого прослеживаются буквально на всех внутренних поверхностях фрагментов дна и стенок сосуда; а «уплотнителя» – специальная лопаточка с накрученными перевитыми жильными или растительными нитями. Оттиски этих нитей читаются почти по всей внешней поверхности сосудов. Ориентация оттисков слева направо и справа налево от вертикальной оси сосуда иногда составляет 45°. Венчик, шейка и дно изготавливались отдельно, после чего соединялись вместе с туловом сосуда. На месте стыков имеются технологические затирки и внутренние расслоения, фиксируемые по разломам фрагментов. Венчик лепился отдельно одной лентой (наблюдаются отслоения)» (Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005. С. 26).

Из всего детального описания, приведенного выше, не совсем ясными остаются три момента:

Первый из них – возникает из целесообразности изготовления самого шаблона. Ведь специально изготовленный плетеный каркас, по нашему мнению, увеличивает время формовки сосуда примерно вдвое. Сначала нужно найти материал, из которого он будет изготовлен. Затем из него соорудить некую емкость, которая, в конечном итоге, учитывая профилированный профиль сосудов хайтинского типа, будет непременно уничтожена – либо разломана на завершающем этапе формовки, либо сгорит во время обжига. В любом случае сам процесс формовки сосуда становится весьма трудоемким и сложным.

Второй момент – «... роль «наковальни» выполнял твердый внутренний плетеный каркас...», который, по нашему мне-

нию, несомненно, отражает армирующую функцию, но слабо подходит в качестве наковаленки в силу своей хрупкости и легкого веса (более детальный разбор этого момента приведен ниже). На наш взгляд, любой плетеный каркас, рассматриваемый в отдельности, в процессе выбивки будет играть роль проводника резонирующих сил, и, как следствие, способствовать отделению самой конструкции от глиняной емкости. Хорошо известен архаичный способ формирования сосуда посредством намазывания керамического теста на плетеную корзинку. Но в данном случае речь идет именно о выбивке собранной из отдельных частей конструкции – более совершенном, на наш взгляд, способе формовки. По нашему мнению, в качестве наковаленки должен был выступать более массивный предмет.

И третий момент – не совсем понятно: в каком положении находился сам шаблон во время конструирования сосуда и последующей выбивки его стенок?

Второй вариант: «... сосуды изготавливались из отдельных широких лент, стенки выбивались при помощи колотушки, обмотанной шнуром. В качестве наковаленки нередко использовались фрагменты старых сосудов, следы которых фиксируются в виде негативов шнура на внутренней поверхности» (Бердников, 2013. С. 211). Такая версия появилась сравнительно недавно в силу опубликования новых интересных материалов из Северного Приангарья, результатом чего стало выделение североангарского варианта керамики хайтинского типа (Лохов, Роговской, Дударек, 2013).

Для того чтобы отчетливо представить, как происходила выколотка (или выбивка) изделия при помощи фрагмента керамики в качестве наковаленки, надо задаться двумя взаимодополняющими вопросами: «Отвечает ли фрагмент керамики свойствам наковаленки, и, если отвечает, то какие характерные следы-признаки впоследствии будут читаться на внутренней стенке сосуда?» Ведь фрагмент керамики в руках мастера – это относительно легкое по весу, достаточно хрупкое в отличие от камня (гальки), не изменяющее форму, выпуклое,

плоскостное, зачастую с острыми гранями разломов, тело. А теперь рассмотрим каждую характеристику в отдельности:

1. ...относительно легкое по весу... понятие «наковаленка» в археологии и этнографии неспроста заимствовано из кузнечного дела, где под наковальной обычно понимают **достаточно массивное** приспособление, закрепляемое неподвижно на деревянной основе, способное прямо пропорционально отражать силу удара, в результате чего и происходит эффект прессовки материала, помещенного между наковальной и ударным инструментом.

2. ...достаточно хрупкое в отличие от камня (гальки)... **постоянные ритмичные удары** лопаткой-колотушкой создают определенные риски целостности фрагмента – в результате массивованных частых ударов, сила которых приходится на выпуклую, наиболее уязвимую часть фрагмента, последний, скорее всего, сломается, оставив мелкую крошку на внутренней стенке сосуда.

3. ...не изменяющее форму, выпуклое... в отличие от камня-гальки, различная покатая поверхность которой (при изменении положения гальки в руке) может использоваться в процессе выбивки разных частей сосуда (приостренное дно, тулово, зона транзита и венчика), фрагмент керамики **имеет только одну пригодную поверхность** определенного диаметра, а если учесть профилированную форму хайтинских сосудов с приостренным дном, максимумно, на что может надеяться мастер – выбить при помощи фрагмента ту часть емкости, диаметр которой приближен к диаметру самого фрагмента.

4. ...плоскостное... предмет, используемый в качестве наковаленки, должен очень хорошо (крепко) фиксироваться в руке в целях свободного, легкого перемещения его по внутренней поверхности сосуда – каким бы способом мастер не фиксировал в руке «фрагмент-наковаленку» (обхват по периметру подушечками пальцев, зажим края фрагмента пальцами с опорой на ладонь и др.), любой хват будет оставлять целую серию характерных следов, выраженных в отпечатках разных частей пальцев руки.

5. ...зачастую с острыми гранями разломов... фрагменты керамики, фиксируемые в различных археологических комплексах, в подавляющем большинстве имеют острые грани разломов по всему периметру фрагмента как со стороны внешней, так и внутренней стенки некогда целой емкости, поэтому в процессе выбивки должны оставаться **характерные следы граней** – треугольные в сечении продолговатые западины.

В целом, появление такой версии формовки сосудов, на наш взгляд, является следствием спешной и потому ошибочной дешифровки следов-признаков на внутренних стенках некоторых емкостей североангарского варианта керамики хайтинского типа. Сочетание двух разновидовых групп оттисков (*первой* и *второй*), оставленных, по нашему мнению, грубой тканью и тальниковыми прутьями (или веревками), дает, казалось бы, зеркальное отражение (в оттиске) поверхности фрагмента керамики с прочерченными линиями и рядами вдавленных. Однако надо заметить, что для рядов вдавлений характерны такие показатели как рядность, соразмерность (ставились одним штампом) и линейность. При зеркальном отражении (снятии отпечатка) должны появиться бугорки-«пупырышки» с точно такими же показателями. Но на внутренних стенках сосудов мы таких не наблюдаем (Лохов, Роговской, Дударек, 2013. С. 126, рис. 1, 3).

И все же обе, приведенные выше версии, несомненно, останутся рабочими до появления результатов экспериментальной проверки. Однако следует предложить и **третий вариант** конструирования емкостей хайтинского типа, обозначив сначала ряд интересных моментов.

Прежде всего, нужно еще раз подчеркнуть, что речь пойдет о формовке сосудов раннего неолита Предбайкалья.

Сегодня эпоха неолита уже не является колыбелью керамического производства, первая керамическая посуда в регионе появляется задолго до распространения керамики хайтинского типа, но пока представлена редкими исключительными находками (Ветров, 2010). Несомненно, что в раннем неолите (с наступлением голоцена вообще)

такой материал как глина стал использоваться чаще, и мы уже можем говорить, если не о зарождении гончарного дела, то, во всяком случае, о его расцвете.

Одним из ярких новшеств эпохи неолита традиционно считается появление в хозяйстве плетеных структур, основным материалом для изготовления которых служила пряжа из волокон растительного или животного происхождения. В качестве ярких примеров выступают сетка и грубая ткань ручной работы, которые человек, несомненно, стремился опробовать в различных сферах хозяйства, в том числе в гончарном деле.

Примечательным является и тот факт, что на стоянках Предбайкалья фрагменты керамики хайтинского типа, как правило, залегают в одних и тех же культурных слоях (в равных стратиграфических условиях) вместе с фрагментами керамики, внешняя поверхность которых покрыта оттисками сетки-плетенки. Синхронное существование «шнуровой» и «сетчатой» керамики в раннем неолите региона сегодня даже не ставится под вопрос. При этом зачастую их сосуществование объясняется с позиций различного применения (функциональной нагрузки), эстетических предпочтений или же принадлежности к разным культурным общностям. Так или иначе, оба керамических комплекса являются характерными для раннего неолита Предбайкалья. И, что самое интересное, отражают, на наш взгляд, *равные технологии* керамического производства. Почему равные? Потому что, если бы одна из них была качественно лучше другой, то археологи, скорее всего, фиксировали бы остатки керамической посуды только одного из них (!).

В чем же тогда выразалось сходство двух керамических традиций? Соблазнительным выглядит напрашивающийся вывод о том, что для «сетчатой» керамики было характерно использование плетеной структуры (сетки) *снаружи* емкости во время ее конструирования, для «шнуровой» керамики – использование подобной структуры (рогожи, циновки, мешковины и т. п.) *изнутри* емкости. Однако это только предположение, при этом не раскрывающее самого содержания формовки сосудов.

Немаловажным будет вспомнить, что в ближайшем к Сибири центре цивилизации, очаге гончарного ремесла – Китае – на протяжении всего раннего неолита широко применялся все тот же архаичный способ формовки сосудов на шаблонах, в качестве которых не редко использовались мешочки, заполненные песком, глиной, или же камни подходящих форм (Жущиховская, 2004).

Может быть, при формовке сосудов хайтинского типа использовался плетеный рогожный (или вязаный) мешочек, заполняемый, к примеру, песком? Маловероятно.

Отпечатки плетеной структуры (рогожи, циновки, мешковины и т. п.) на внутренних стенках сосудов хайтинского типа лишены четкой систематизации – они не упорядочены. Местами оттиски читаются очень хорошо, местами – практически не выявляемы. Из всего этого следует, что специально сплетенного мешочка, повторяющего контуры будущего изделия, скорее всего, не существовало. Вполне вероятно, набитый песком мешочек в подвешенном состоянии мог выступать исходной формой «сетчатым» сосудам (Глушков, 1996. С. 50–51, рис. 84, 1), но сконструировать на таком шаблоне профилированную емкость хайтинского типа с приостренным дном практически невозможно.

Теперь, собственно, вернемся к тем четырём группам следов-оттисков, выявленных нами на внутренних стенках керамики хайтинского типа. Каждая из этих групп оттисков свидетельствует о применении мастером во время формовки различных материалов и приемов. Надо полагать, что структуры, оставившие все эти следы (*группы 1, 2, 3, 4*), непременно, имели конкретные задачи – их использование было чем-то обусловлено.

К примеру, грубая ткань (*первая группа*) и шнуровые нити (*четвертая группа*), фиксируемые в отпечатках на внутренних стенках емкостей, на наш взгляд, выполняли функцию прокладки между самим изделием и каким-то шаблоном. *Вторая группа* оттисков (тальниковые прутья или веревки) свидетельствует о некой обвязке шаблона, покрытого грубой тканью. И, *третья группа* оттисков (следы затирания) отражает

стремление мастера затереть, убрать некоторые следы формовочных операций.

К сожалению, автор статьи не нашел в материалах этнографии способы формовки сосудов, которые напрямую бы отражали все приведенные выше предположения. Но два интересных момента было замечено им в современном гончарном деле многих народов и стран, которые, возможно, отражают архаичные приемы и способы керамического производства.

Первый из них – при ручной скульптурной лепке из глины в качестве рекомендации, как правило, предлагается накрывать керамическое тесто влажной тряпкой, что позволяет сохранять его пластичность долгое время. По сути, влажная ткань обеспечивает сохранение влаги в самой формовочной массе.

Второй момент – довольно хорошо известен способ конструирования небольших емкостей из глины (вазы, горшки и кружки) в декоративно-прикладном искусстве. В самом простом виде выглядит он следующим образом. Берется простая стеклянная бутылка или любая другая болванка, чьи максимальные размеры обязательно должны быть меньше диаметра венчика будущей вазы или кружки. Затем эта болванка (бутылка) обматывается по спирали шнуровой веревкой, при этом обматывание происходит от дна к венчику. Где необходимо увеличить диаметр будущего изделия (например, тулово), этой же веревкой происходит дополнительное обматывание (наращивание диаметров). После этого формируется дно будущей кружки (или вазы) в виде раскатанного из глины диска, на который и ставится получившийся шаблон – обмотанная веревкой болванка (бутылка). Затем широкими лентами глины происходит обертывание этого шаблона, стоящего на диске-дне. Когда конструирование будущего изделия завершено, болванка (бутылка) извлекается, а веревка спокойно скручивается в клубок, не травмируя при этом внутренние стенки получившейся емкости.

На наш взгляд, способ формовки сосудов хайтинского типа раннего неолита Предбайкалья должен был быть максимально прост и рационален. И, возможно,

выглядел он следующим образом (*третья версия* формовки) (рис. 2):

Сначала на плоской плите сооружался (или устанавливался) стержень будущего шаблона. Это могла быть либо простая деревянная болванка (чурочка), либо пирамидка из озерных галек плоской формы (особенно актуально для побережья Байкала). Затем на этот стержень кусками намазывалась глина – происходило формирование самого шаблона, по форме напоминающего очертания будущего сосуда. Пластичный глиняный материал позволял моделировать мастеру именно ту форму, какую он хотел видеть в конечном продукте. При этом особой эстетики здесь не требовалось, поскольку наложенные в дальнейшем на эту конструкцию структуры-прокладки (грубая ткань или веревка) нивелировали все неровности – бугорки и западины. Получалось нечто в виде глиняной кучи, которая собственно и покрывалась смоченной грубой тканью (первая группа оттисков) или же обматывалась шнуровой веревкой (четвертая группа оттисков). В качестве первой могли использоваться различные лоскутки рваной одежды, испорченной мешковины или сами сумки, в которые и набиралась глина. По существу, шаблон был готов.

Наверное, следует заметить, что грубая ткань особенно плотно прилегала к шаблону в зонах верхней половины будущего сосуда (от венчика до экватора), близкой по форме к цилиндру, а вот в зоне приостренного дна, скорее всего, собиралась складками. Может быть, именно поэтому было целесообразно дополнительно обмотать (или стянуть) зону дна веревками или тальниковыми прутьями (*вторая группа оттисков*).

В таком виде шаблон теперь можно было использовать для конструирования самого сосуда, при этом применяя как лоскутный, так и ленточный налеп (здесь автор заведомо оставляет вопрос открытым). На наш взгляд, формовка сосуда могла происходить снизу вверх – от устья к дну. Последнее, возможно, представляло собой свернутый из ленты конус, который и надевался как крышка на уже сформированный резервуар емкости.

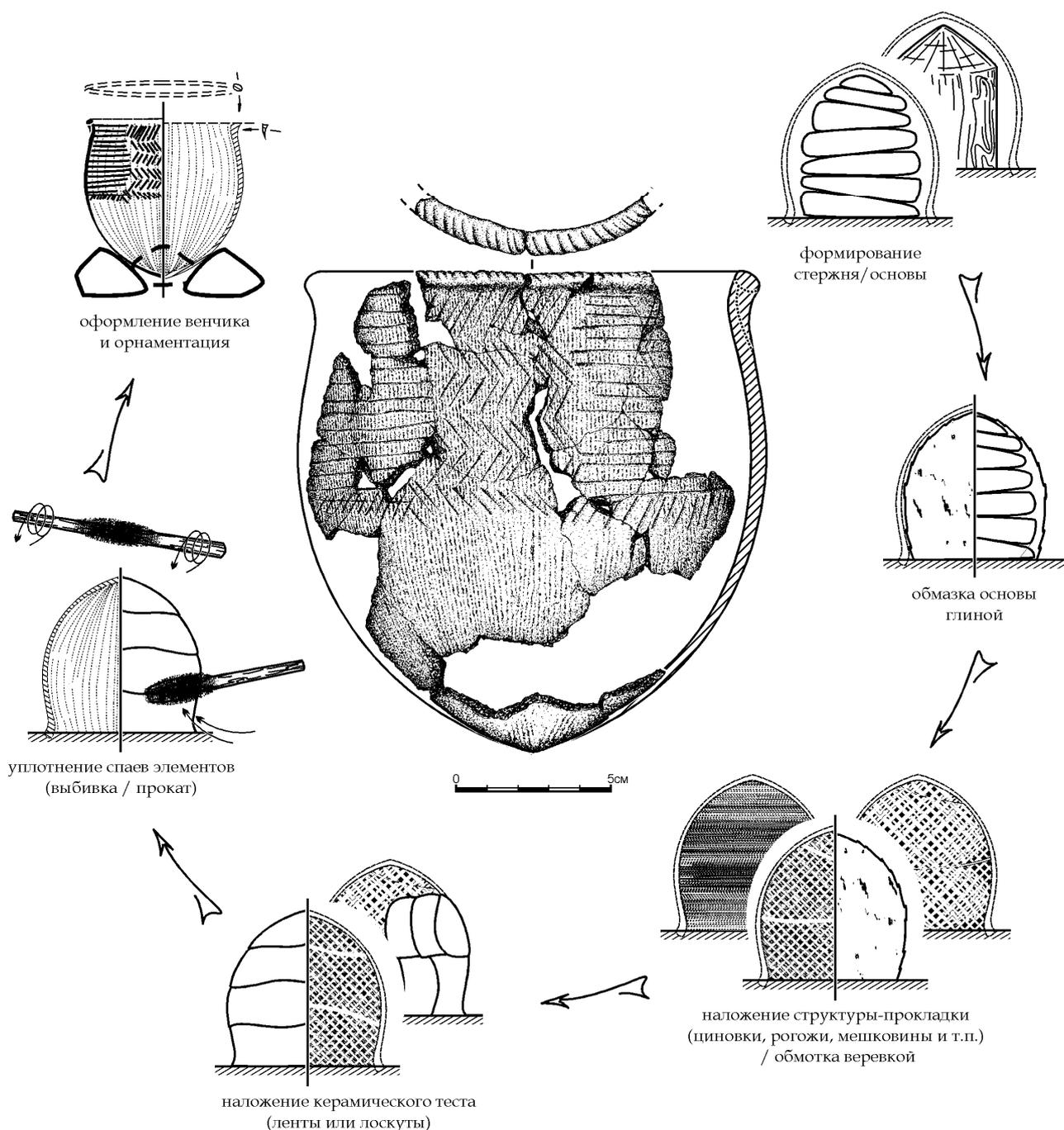

Рис. 2. Сосуд хайтинского типа из погребения № 1 могильника Мыс Уюга (Приольхонье) и один из возможных вариантов его конструирования (третья рабочая версия)

Затем спаи отдельных элементов (ленты или лоскуты) предстояло дополнительно уплотнить. Сам шаблон позволял использовать для этой цели как технику выколотки (или выбивки), так и технику проката. Сам автор склоняется ко второму приему, для которого могла использоваться округлая в сечении палка с намотанными посередине шнуровыми нитями. Такой палкой (по принципу работы скалки) мастер и раскатывал еще пластичную внешнюю по-

верхность сосуда (сверху вниз и обратно, по диагонали изделия и т. п.). Отчего, собственно, мы и наблюдаем на внешних стенках хайтинских сосудов оттиски длинных, протяжных нитей шнура.

После формовки большей части сосуда (за исключением венчика) и последующей техники проката (или выбивки) вся конструкция снималась с плоской плиты и переворачивалась. Разобрать шаблон теперь не составляло какого-либо труда. Сначала

извлекался стержень (болванка), потом рукой выскребалась еще влажная глина, и затем аккуратно, «против шерсти» отделялась тканная структура-прокладка. Однако, на наш взгляд, шаблон разбирался не полностью, а только наполовину. Глиняная масса, оставленная на дне шаблона (нижняя половина сосуда), могла выполнять функцию кия, и такая конструкция уже хорошо крепилась (или устанавливалась) для дальнейшей работы мастера где-либо – между ног, на трех камнях или в корневищах дерева.

На завершающем этапе формовки емкости отдельным глиняным жгутиком с последующей дополнительной примазкой (или лентой) оформлялся венчик. На этом формовку сосуда следовало считать завершенной, и мастер мог перейти к декоративному оформлению сосуда (орнаментации), после чего шаблон разбирался полностью.

Если же следы грубой тканой структуры-прокладки не устраивали мастера (к примеру, сосуд предназначался для использования в хозяйственно-пищевой сфере), то их предстояло затереть, убрать. Для этой цели и могли использоваться зубчатый шпатель (щепа) или пучок травы (третья группа оттисков). Примечательно, что на внутренних стенках сосуда из погребения № 1 могильника Мыс Уюга (Приольхонье) следы грубой ткани-прокладки сохраняются – эта емкость изначально была исключена из хозяйственно-пищевого цикла (!).

В такой интерпретации третья версия формовки сосудов, конечно же, далека от совершенства и полна безответных вопросов, которые предстоит решить только в процессе экспериментальной проверки. Последняя как раз и продемонстрирует состоятельность, как отдельных моментов, так и всей предложенной модели конструирования емкостей хайтинского типа. По крайней мере, наличие такой версии создаст еще большую вариабельность реконструируемого процесса формовки сосудов и в случае неудачного эксперимента все равно сыграет на пользу – этот вариант будет восприниматься как отрицательный опыт, заведомо ложный вектор исследования.

Заключение

Между двумя керамическими традициями Предбайкалья – керамикой хайтинского типа раннего неолита (7,9–6,5 тыс. л. н.) и керамикой сеногдинского типа периода поздней бронзы – раннего железа (3,1–2,1 тыс. л. н.) – лежит не одна тысяча лет. За это время человек успел познакомиться с новыми интересными материалами (к примеру, металлы), освоить технологии изготовления из них изделий, изобрести или позаимствовать новые различные приспособления, инструменты и т. д. Скорее всего, менялось этническое наполнение региона, и, конечно же, постоянно происходил контакт с другими культурными общностями соседних областей. Сводить воедино технологии керамического производства разных этапов человеческой истории Предбайкалья, видеть в них много общего – было бы слишком просто и преждевременно. На наш взгляд, эти технологии должны были качественно отличаться друг от друга, что было обусловлено, прежде всего, самим временем.

Таким образом, формовка сосудов хайтинского типа (ранний неолит) видится нам довольно архаичной – с использованием сложносоставного шаблона, который, несмотря на это, легко собирался из подручных, известных и широко применяемых тогда материалов и также легко разбирался. Вопреки традиционному и довольно укоренившемуся мнению об использовании техники выколотки (или выбивки) в раннем неолите региона, автор статьи больше склоняется к применению техники проката, с позиций которой вполне объяснима природа оттисков длинных, протяжных нитей шнура на внешней поверхности стенок сосудов.

Формовка сосудов сеногдинского типа (период поздней бронзы – раннего железа) по всем вычленимым следам-признакам, скорее всего, происходила в процессе конструирования емкости лентами (ленточный способ). Спаи последних уплотнялись посредством использования двух основных инструментов – лопатки-колотушки с намотанными на нее шнуровыми нитями (снаружи емкости) и наковаленки (изнутри

емкости), в качестве которых выступала галька, хорошо фиксируемая в руке. При этом надо заметить, что техника выколотки (или выбивки) к концу бронзового века уже хорошо была известна в Прибайкалье – «шнуровой» лопатке предшествовали и широко использовались «рубчатые» и «вафельные» рабочие поверхности ударно-прессующих орудий (Свинин, 1976, 2000; Кичигин, 2011).

Может быть, после прочитанного покажется, что некоторые рассуждения и выводы автора, изложенные в статье, выглядят весьма спорно и высказаны им довольно смело. Однако сама статья больше располагает к широкому ее обсуждению – целью работы не являлось выведение истинных моделей конструирования сосудов. В любом случае экспериментальная проверка

продемонстрирует правильность тех или иных выводов, подскажет, в каком направлении двигаться дальше. Тем более автору не составит труда признать свои ошибки, которые в дальнейшем, безусловно, будут работать только на пользу.

Благодарность

Автор статьи выражает слова благодарности и признательности Виктору Михайловичу Ветрову, Дмитрию Леонидовичу Шергину и Дмитрию Николаевичу Лохову за предоставленную возможность поработать с коллекциями керамики хайтинского типа с памятников Верхней Лены и Северного Приангарья.

Статья поступила 27. 11. 2014 г.

Библиографический список

1. Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета / Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 203–229.
2. Березин Д.Ю. Визуальная характеристика керамики поселения Усть-Илим // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 18–38.
3. Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967–1974 гг.) // Древние культуры Приангарья / Отв. ред. д-р ист. наук. Р.С. Васильевский. Новосибирск : Наука, 1978. С. 131–150.
4. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Седякина Е.Ф. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 53–75.
5. Ветров В.М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 37–44.
6. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во ИГиЭ СО РАН, 1996. 328 с.
7. Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 125–127.
8. Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 13–32.
9. Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток : ДВО РАН, 2004. 312 с.
10. Игумнова Е.С. «Сосуды-близнецы» (по материалам полевых археологических работ 2000–2001 гг.) // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности) : материалы XLIV Регион. (с междунар. участием) археол.- этнограф. конф. студентов и молод. ученых (Кемерово, 31 марта – 3 апр. 2004 г.). Кемерово, 2004. С. 81–82.
11. Игумнова Е.С., Савельев Н.А., Спиридонова Ю.В. Керамика «хайтинского типа» Мишелевского геоархеологического комплекса // Истоки, формирование и развитие

- евразийской поликультурности. Культуры и общества северной Азии в историческом прошлом и современности: материалы I (XLV) Росс. с международным участием археол. и этнограф. конф. студентов и молод. ученых (РАЭСК-XLV) (Иркутск, 12–16 апр. 2005 г.). Иркутск : Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. С. 25–26.
12. Кичигин Д.Е. Кольцевой поддон как конструктивный элемент сеногдинской керамики // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 69–72.
13. Кичигин Д.Е. «Вафельная» керамика побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 183–193.
14. Кичигин Д.Е. Неолитическое погребение на мысе Уюга (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сент. 2014 г.). Кызыл : Изд-во ТувГУ, 2014. Ч. I. С. 93–97.
15. Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья Байкала (по материалам стоянок) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 18 с.
16. Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударек С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия Иркутского государственного университета / Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 116–132.
17. Новиков А.Г., Горюнова О.И. Новый взгляд на неолитические комплексы многослойного поселения Тышкинэ II (озеро Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 87–92.
18. Подгорбунский В.И. Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. 1928. Вып. 7. С. 127–144.
19. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.
20. Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг. Иркутск : Изд-во ИОКМ, 1966. С. 50–69.
21. Свинин В.В. Исследования древней керамики Прибайкалья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2000. Вып. 2, ч. 2. С. 128–145.
22. Свинин В.В. Неолитические стоянки в бассейне р. Уды (Тасевой) // Изв. / ВСОГО СССР. 1967. Т. 65. С. 115–126.
23. Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. / ВСОГО СССР. 1976. Т. 69. С. 167–179.
24. Седякина Е.Ф. Археологические исследования на островах р. Ангары // Вест. Ленингр. ун-та, 1955. № 9. С. 117–120.
25. Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II–I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.
26. Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. Вып. 3. С. 198–215.
27. Хлобыстин Л.П. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1964 а. 18 с.
28. Хлобыстин Л.П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б.Э. Петри) // КСИА. 1964 б. Вып. 97. С. 25–32.
29. Цыденова Н.В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и на сопредельных территориях // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. № 1. С. 239–246.
30. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М.: Наука, 2012. 599 с.

Сведения об авторе

Кичигин Дмитрий Евгеньевич: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский государственный технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: +79149338395, e-mail: kichkok@rambler.ru

Kichigin Dmitry Evgen'evich, PhD, associate-professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia, Irkutsk State Technical University, 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83. tel.: +79149338395, e-mail: kichkok@rambler.ru